

Коробенкова, Н. Тайна солдатского медальона [о Хлызове К.Т.] / Н. Коробенкова. – Текст: непосредственный // Бичурский хлебороб. – 1995. – 6 июня (№ 40). – С. 2.

Тайна солдатского медальона

Сначала — одно письмо, присланное из Калужской области в адрес Бичурского райвоенкомата:

«К Вам обращаются члены поисково-исследовательского отряда «Поклон» из поселка Кременки Жуковского района Калужской области.

В декабре 1941 года близ нашего поселка шли жестокие бои на подступах к Москве. Погибло свыше 10 тысяч солдат. При наступлении на немецкие войска погибших не хоронили. И лишь весной 1942 года местные жители собрали трупы погибших солдат близ своих деревень и захоронили в братских могилах. А сколько непохороненных бойцов осталось в лесах! И вот через 50 лет после описанных событий мы посвятили себя снегам и преданию земле погибших солдат.

В очередном рейде поисковая группа вместе с останками солдата нашла медальон, принадлежавший красноармейцу Хлызову К. Т., призванному Бичурским РВК Бурят-Монгольской АССР. По нашим предположениям он воевал в 5-й кавалерийской дивизии.

Убедительно просим Вас помочь разыскать и связаться с родными и близкими красноармейца Хлызова К. Т. и сообщить им, что останки их родственника захоронены в братской могиле д. Малеево Калужской области 16 октября 1993 года.

**С уважением, по поручению членов отряда
Ю. М. СЕЛЕЗНЕВ».**

Не думали, не гадали постаревшие сестры погибшего солдата, что через полвека после гибели старшего брата им станет известно место его последнего печального пристанища.

Солдатский медальон... Поясняет ветеран войны Леонид Климович Иванов: «Чаще всего это была обыкновенная металлическая или пластмассовая гильза. В нее вкладывался бланк, на котором сам солдат записывал необходимые данные о себе и адрес семьи. В случае гибели по медальону можно было установить личность погибшего и сообщить родным. Но, откровенно говоря, не любили мы эту штучку. Называли ее «смертный медальон». Бытовало среди солдат суеверное представление: как зашьешь его в шинель или в карман гимнастерки, так, глядишь, и погибнешь. Между прочим, по этой же причине во многих бичурских семьях не хранили

фронтовых писем. Но была и хорошая примета: обмениваться медальонами. Медальон не был обязательным атрибутом. Но кое-кто его все-таки имел при себе. После боя приходилось поднимать своих на поле сражения, первым делом искали медальон. Если обнаруживали, отдавали командиру.

В сорок втором году специальным распоряжением Сталина медальоны были отменены: точный учет погибших был не в нашу пользу. Да и какой там учет, если сегодня известно: целые дивизии ходили в бой без списков личного состава».

Результаты поисковых работ подтверждают: не очень жаловали солдаты медальон. Поэтому, наверное, среди 107 останков, обнаруженных поисковиками «Поклона», медальоны найдены лишь у двоих.

Из второго письма руководителя поисково-исследовательского отряда «Поклон» родным К. Т. Хлызова:

«В 1993 году, членами отряда было проведено перезахоронение останков 107 человек. Двое из них стали известны. Это Волынский, ополченец из Москвы, и Ваш брат. Несмотря на малую отдачу работ, члены поискового отряда все же вернули к жизни десятки имен для близких и родных, получивших ранее похоронки с припиской «пропал без вести». В двух километрах от братской могилы в деревне Екатериновка нами создается музей Боевой Славы, где помещены все материалы, собранные отрядом о погибших и живых участниках обороны Москвы на Серпуховском направлении».

Разволновало это известие родных, заставило снова пережить горе, вызвало далекие воспоминания.

О своем брате рассказывает сестра краснормейца Нина Терентьевна Хлызова:

«Он родился 18 марта 1920 года. У нас была большая крестьянская семья. В доме отца Терентия Перфиловича и матери Вассы Дмитриевны жило одно время 15 человек. Кирилл закончил 5 классов и пошел работать в колхоз «Новый мир» механизатором. Он был самый старшин. В 1937 году начал работать в Малокуналейской МТС трактористом. 3 октября 1940 года проводили на действительную. Служил в Уссурийске. Учился в полковой школе, а в сентябре сорок первого часть перевели в Хабаровск. Зимой получили письмо: «Обучаю новобранцев, скоро вместе с ними еду на фронт». Это был самый разгар боев под Москвой. В письме он просил выслать варежки и носки: «Здесь холодно». Я торопилась, вязала троепалые варежки, с отдельным, указательным пальцем. Чуть-чуть не довязала — новое письмо: «Я поехал — вы знаете куда». Пошли письма с дороги: из Хабаровска, Петровского завода, Улан-Удэ. Сообщал: «Нас везут очень быстро».

Последнее письмо с подмосковной, станции Шамаловка: «Подъезжаем к Москве, слышим, как рвутся снаряды».

И все. Он воевал три месяца. И не успел написать ни одного письма с передовой. Считался пропавшим без вести. Мы писали два запроса в Москву, И лишь в сорок седьмом получили ответ: «Не вернулся из боя». Теперь мы знаем, когда и где он погиб. 27 декабря сорок первого в районе лесной дороги Кременки-Малеево Калужской области. Кирилла, как и ополченца из Москвы Волынского, занесли в Книгу Памяти Калуги. Мы — по просьбе следопытов — выслали его фотографию, ответили на вопросы. Были бы помоложе, съездили бы туда, где покоится наш двадцатилетний брат».

Н. КОРОБЕНКОВА.